

Что дал народу Октябрь, и что отбирают сейчас

Продолжается перестройка, которую так воспевают и которую не всякий простой смертный может понять. Но основное, на мой взгляд, понятно каждому: демократия в теперешнем виде принесла всем народам бывшего Советского Союза страдание, войну, разруху, нищету, международную резню, преступность, безработицу. В газетах, по радио, телевидению вещают и учат, кого любить, кого ненавидеть, кто для нас простодушнее желает добра и лучшей жизни, а кто старается снова нас (люмпенов) впрячь в хомут тоталитаризма, учат что и у кого покупать, сплошь и рядом подсказывают, как жить... И нет уже своих мыслей. Революция, которая была в 1917 году, у некоторых возбуждает свирепую ненависть и злобу, которые стараются привить всем и всячески, стараются опорочить и оплести, искоренить и вытравить из памяти народа, внушают, что это была не революция, а переворот, да к тому же никому не нужный. Но почему во всем мире о революции говорят с любовью и гордостью, и празднуют, и прославляют Великий Октябрь?

Страшно хочется некоторым деятелям и политикам вычеркнуть этот день из памяти народной. Но народ все же день 7 ноября празднует и отмечает. Вот и в этом году правительство стыдливо замолвило: тем, кто будет в этот день работать, заплатить в двойном размере. Народ помнит, что в этот день он сбросил иго царского самодержавия, сбросил гнет эксплуататоров, избавился от своего бесправного положения. Сегодня по всем информационным каналам говорится о том, что народу дали свободу и демократию. А кто мне скажет — где они, свобода и демократия? Проголосовал народ за Союз, но правители проигнорировали волю народа — развалили Союз. Я понимаю так: говорить можно все, что захочется, в подворотнях и в подъездах. А кто из руководства услышит эти высказывания? Кто примет их во внимание? А если что скажешь неугодающее в указанных рамках «разрешенного» митинга или собрания, то можешь навлечь на себя беды. Вот и это мое измышление может не совпасть с мнением газеты. Я сейчас бесправный человек, государство

меня не защищает. Защищайся сам, как можешь. Мне опасно ходить по улице без нагана, находиться в доме без оружия и без бронированной двери, без решеток на окнах. Все мои права и моя жизнь — в моей пенсии, которую мне дали при Советах и которую у меня все время стараются уменьшить. Я сейчас подхожу к слову «копейщик». Ведь «пенсия» — копейка. Вот и все мои свобода, счастье и демократия. Да и у работающих в душе одна мысль — как бы не остаться без работы, за бортом. Страх за свою жизнь. В настоящем мире и в новом времени только богатый может быть свободным, ибо свобода и счастье у тех, у кого денег и недвижимости много.

В магазинах и на базаре я не могу купить на свои мизерные тысячи то, что мне необходимо. Я ущемляю себя. Это теперь мой удел. Многим законопослушным гражданам остается только смотреть и разглядывать на прилавках продукты, истекая слюной. А в это самое время неко-

торые избранные господа жируют и бесятся от излишнего достатка...

Как-то случайно я был в садах на Верхнеуральском водохранилище. Мне бросилось в глаза строительство одного массивного трехэтажного дома, на котором трудилась целая бригада рабочих. Человек 15 с техникой: краном, бульдозером. Поинтересовался, кому ведут такое быстрое строительство. Оказывается, большой начальник. И это не единственный пример. Сейчас, у кого есть деньги и возможности — есть свобода и демократия. Все можно!

Во все рупоры вещают о проделках коммунистов, много лет ищут их миллионы. Но при тех коммунистах был хоть какой-то контроль, останавливали зарвавшихся начальников, была какая-то справедливость. Для народа не слишком важно, какая партия стоит у руля власти. Важно, чтобы человек был защищен от произвола бюрократов, жил без страха и тревог за свою судьбу, чтобы человек мог спокойно трудиться и был уверенным в завтрашнем дне. Каждый должен знать, что он в определенный срок займет крышу над головой, должен знать, что он защищен в своих правах государством и правительством, знать, что завтра жизнь его будет лучше. Сегодняшнее правительство демократов ничего пока не сделало для простого человека. Жизнь с каждым днем становится все труднее, страшнее и дороже. Каждый день неутихающие сводки: ограбили, обворовали, убили, пропали без вести. И главное — не объясняют, кто виноват и кто несет ответственность.

Сейчас при объявленной свободе и демократии ни один работающий не рискнет высказать своему шефу-начальнику правду-матку, ибо тут же будет оплеван, оклеветан или сокращен. Вот и вся демократия. То же самое и в высших эшелонах власти: о неблагоприятных поступках и злоупотреблениях говорить страшно. Прав тот, у кого больше прав. Записали много прав у гражданина на бумаге. Но искать их очень опасно. Коммунисты в Великий Октябрь да и во все времена после имели больше прав первыми бросаться в гущу боя, не думая о своей жизни, имели больше прав на неограниченную злобу врагов, которые вырезали на их телах звезды, ремни, мучали, жгли, прежде, чем лишиться жизни.

Да и мы, российский народ, жили в те времена хуже любой европейской страны. Надо всем знать и помнить, сколько советское государство вынесло и пережило нашествий и разрух, после которых все-таки выходило на уровень развитых стран, хотя Запад и пророчил, что на восстановление хозяйства потребуются сотни лет. Советское государство не вставало на колени и не кланялось, прося подаяния, гуманитарной помощи и кредитов в виде негодных просроченных продуктов и ненужных товаров. Сегодня Россия всем странам должна и обязана, стоит с протянутой рукой, хотя сама несказанно богата. Россия разворовывается беспощадно.

С. ФЕДОРОВ,
ветеран труда.

Вот так отдохнули

За более чем тридцатилетний труд на ММК мне неоднократно удавалось отдыхать и оздоравливаться в профилактории «Юбилейный» на Банном озере. И всякий раз оставались только хорошие впечатления...

А недавно мне снова удалось там побывать. Какие разительные перемены, какое убожество увидел я!

Наш заезд проходил с 17 октября по 11 ноября. Жили мы в даче № 2. В комнатах мебель времен Никиты Хрущева: шифоньер без ручки, тумбочка (одна на двоих) тоже без ручек и без полок, белье постельное застирано (пепельного цвета) до дыр, наволочки разных цветов и тоже дырявые, все полотенца почему-то оказались детскими, размером в два мужских носовых платка, а вафельные полотенца вообще сшиты из нескольких кусков. Ну и, пожалуй, самое страшное — это тараканы, которые «ходят пешком». Некоторые женщины спали в платках, чтобы тараканы не забрались в ухо.

О пищеблоке. Это же стыдища! Комбинат имеет свое производство эмалированной посуды, а в обеденном зале профилактория не хватает кастрюль под первое на каждый стол, не хватает черпаков, чайников... Вот уж поистине: сапожник без сапог. И рыскают отдыхающие по залу в поисках вышеуказанной посуды, как гонимые (кстати,

собак и кошек на территории профилактория превеликое множество). Встречаются и тарелки с отбитой эмалью, которые, по самым элементарным нормам и правилам, эксплуатировать категорически запрещается.

Из столовой, что на территории «Юбилейного», сделали ресторан для элиты, ибо неработающий пенсионер средств для его посещения не имеет. А вот немощные старики и старушки с клюшкой, отдавшие здоровье производству, должны в буран и в гололед «ползти» в «Парус» на гору, чтобы покушать. Пища в профилактории обильна, но приготовлена отвратительно. Сметана, кефир и творог бывают прокисшие. А то заварят какой-нибудь рыбный суп из маринованных огурцов... Ни рассольник, ни уха — ни рыба, ни мясо.

В лечебном корпусе то нет кислорода, из-за чего срываются процедуры: коктейль и кислородные ванны, то нет горячей воды, значит и ванны любые принять нельзя. Как пожилым людям полезно, да и просто необходимо погреть свои косточки в сауне! Однако не всем по карману это удовольствие.

Вот такое удручающее впечатление осталось у меня от отдыха.

Ф. КАВЕРЗИН,
ветеран войны и труда.

...и все-таки море

Родился я и вырос в Магнитогорске. Здесь закончил школу. Манило море, был неравнодушен к поэзии. Вплотную занялся поэзией в конце шестидесятых, на службе в ВМФ. Пытался по-новому читать и вникать в мир Пушкина, Лермонтова, Есенина.

Работа на судах торгового, а несколько позже рыболовецкого флота привила интерес к стихам, расширила круг авторов. Разве можно оставаться равнодушным к А. Блоку? В частности, к его монументальным «Скифам»? А чем плох К. Симонов с его, скажем, неувядающим «Жди меня, и я вернусь»? Многих из нас оно прямо касается, а моряков особенно. Нельзя, полагаю, оставаться глухим к чарующей лирике Р. Бернса или жесткий ритм Р. Киплинга воспринимать с рыбьими глазами. Об этом очень хорошо сказал, по-моему, К. Чуковский: «Поэзия существует не для того, чтобы мы изучали ее или критиковали ее, а для того, чтобы мы ею жили.»

Когда уходил в дальний полугодовой рейс, то всегда брал книги. И, понятно, поэзию. Причем, не только именитых авторов и классиков. С удовольствием читал Ивана Рядченко — одессита, бывшего штурмана Черноморского пароходства. К сожалению, он сегодня иностранец. Его неброская лирика, верность моряцкому труду, искренность, идущая от открытого сердца и доброй души, покоряют.

Хорошая поэзия в трудные минуты, поверьте, помогает собраться, сконцентрироваться, преодолеть трудности, выстоять, дает возможность увидеть мир совершенно иными глазами. В северных рейсах, например, помогает по достоинству оценить скупые, но удивительно яркие краски суровой природы, напоминающей величественные арктические пейзажи Рокуэлла Кента, американского художника и писателя. А каким буйством цветов и оттенков поражает необыкновенно щедрая палитра южных морей!

Есть люди среди нас, которым все это близко и понятно. О чем, правда, не принято говорить свободно и вслух. Правда и то, что их в обществе всегда не хватало. А сейчас особенно. Вспоминается чеховское, что в человеке должно быть все прекрасно: и одежда, и душа, и мысли... Возможно, вместе с тем в его душе должен оставаться какой-то первозданный оазис. И непременно от пороков жизни табуированный. Источник, активно помогающий нам оставаться именно людьми. Если так, то пусть поэзия, равно как и музыка, о которой говорил известный Д. Леннон, возвращает человеку то, что отнимает у него жизнь.

Николай ГАНЬКИН

Серое небо,
хмельная волна,
белые чайки,
шальные ветра.

Трала на палубе
рыбный чулок,
мысли и думы
бегут на Восток.

Там, за кипящим
простором воды,
в белом наряде
чаруют сады.

Май на излете,
в смятенной душе.
Боже, как время
идет не спеша.

Август заветный
так мил и далек,
время сочится,
как в камере срок.

Серое небо,
волна высока...
Как ты желанна,
но как далека!

Северо-Западная Атлантика.
Канада.

Сегодня не будет подвахты,
и трапы за борт не пойдут.
Усталые парни от вахты
тревожными снами уснут.

И скрипкой грустят переборки,
и волны по борту стучат.
Каюты, как тесные люльки,
баюкают спящих ребят.

В мозолях, натружены руки,
просоленный, крепкий народ.
Как плачут скрипичные звуки!
Идет штормовой переход.

СЗА.
Банка Флеминг-Кап.

ПРИЕМКА ТОПЛИВА

Ветер, ночь, волна крута,
слева танкер у борта.

Наш российский порт Мурманск
называется «Веснянск».

Хлопнул выстрел — лить летит,
наш матрос ловить спешит.

Следом тянется швартов,
судно встанет на бакштов.

Танкер слева, впереди,
шланги тянет из груди.

Будем брать соляр, мазут —
сколько нам его дадут.

Будет ночь эта без сна:
ветер, танкер и волна.

Северо-Западная
Атлантика.

«Над окошком месяц. Под окошком ветер.
Облетевший тополь серебрист и светел.»

С. Есенин.

Ночь, луна и тишина,
над рекой таман.
У раскрытого окна
загрустил баян.

Что-то хочет высказать,
что-то рассказать.
Не дано нам истинной
грусти той понять.

Баянист чарующе
мягко звуки льет.
Заворожен музыкой
звездный хорост.

Ночь, луна, грустит баян
в сонной тишине.
Где же ты, я жду тебя,
вспомним о весне.

Юго-Восточная Атлантика.
Ангولا.

Вот за кормой качается звезда,
вдруг показалось мне.
Так получается всегда
при штормовой волне.

И в жизни с выводом спешим
о встречном, тоже так.
Тем самым часто мы грешим,
но не поймем никак!

ЦВА.
Португалия.

